

Грин Э.

**ДЕНЬ ВОЗМЕЗДИЯ
В ЛАБИРИНТЕ ГРЕХОВ**

ЗОЛОТОЙ ВЕК ДЕТЕКТИВА

Золотой век детектива

Анна Грин

**День возмездия. В
лабиринте грехов (сборник)**

«Алгоритм»

УДК 82/89
ББК 84(7США)

Грин А. К.

День возмездия. В лабиринте грехов (сборник) / А. К. Грин —
«Алгоритм», — (Золотой век детектива)

ISBN 978-5-486-02934-9

Американка Энн Кэтрин Грин (1846–1935) – пионер детективного жанра, писательница, впервые в истории литературы назвавшая свои романы «детективными». Она заложила основы полицейского романа, исторического детектива и романа о частном сыске. Ее дебютное произведение «Ливенвортское дело» (1878 г.) стало первым в США бестселлером. За свою долгую творческую жизнь Э. К. Грин создала около 40 романов с несколькими серийными героями. Для ее произведений характерна совместная работа полицейских и сыщиков-любителей. Э. К. Грин написала также несколько политических романов, направленных как против крайне левых, так и крайне правых политических движений. Ее последняя книга вышла в 1923 г. Помимо литературной деятельности Грин много времени посвящала разработке законов по охране авторского права. Она оказала влияние на творчество многих мастеров детектива, в частности на А. К. Дойла, Дж. Д. Карра и Агату Кристи. Вклад Энн Кэтрин Грин в развитие детективного жанра высоко оценивается и сегодня, а ее саму вполне заслуженно называют «матерью детектива». В данном томе представлены два произведения писательницы: роман «День возмездия» и повесть «В лабиринте грехов», наиболее характерные для ее творческой манеры.

УДК 82/89
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-486-02934-9

© Грин А. К.

© Алгоритм

Содержание

День возмездия	7
Книга первая	7
Глава I	7
Глава II	11
Глава III	15
Книга вторая	17
Глава IV	17
Глава V	20
Глава VI	22
Глава VII	26
Глава VIII	28
Глава IX	29
Глава X	31
Глава XI	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Энн Кэтрин Грин
День возмездия. В лабиринте грехов

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

* * *

День возмездия

Книга первая Жизнь или смерть

Глава I Роковое послание

Вечером 13 июля 1863 года два человека – один в Вашингтоне, другой в Буффало – оставили свои жилища при обстоятельствах до поразительности между собою сходных.

Как одному из них с утренней почтой пришло письмо, так точно и другому, и оба они полученные ими послания тотчас же уничтожили. В продолжение целого дня и тот и другой испытывали сильнейшее беспокойство, но высшей степени волнение их достигло, когда они прощались со своими близкими, что едва ли могло быть объяснено только неожиданностью их приглашения в Нью-Йорк по делам. Трудно было предположить также, что причиной такого сильного возбуждения было то обстоятельство, что в этом городе бушевало тогда восстание, хотя оно, несомненно, могло угрожать жизни и благополучию каждого мирного гражданина.

Человек из Вашингтона, Сэмюел Уайт, бывший раньше маклером, теперь начинал карьеру политического деятеля. По слухам, он располагал довольно значительным состоянием, но не позволял себе ни малейшей роскоши, а, наоборот, жил чрезвычайно тихо и уединенно, несмотря на то что по натуре он отличался чрезвычайным честолюбием и склонностью к блеску. Конечно, в беспокойное время междоусобной войны было бы вообще безрассудно выставлять напоказ свои богатства, но простота жизни Уайта была слишком велика, чтобы ее можно было объяснить только тем тяжелым положением, в котором находилась его родная страна. Многие подозревали, что существуют какие-то тайные причины, заставляющие его вести такой образ жизни. Его жена была болезненной женщиной, но не чуждалась общества; тесные комнаты и слишком скромная обстановка совершенно не соответствовали ее вкусам. Чрезмерная экономия в воспитании и образовании их единственного ребенка тоже едва ли могла считаться желательной.

Уайт не был скупым, а между тем копил деньги и держал все свои сбережения в банке, отказывая своим близким в удобствах и удовольствиях, устраняясь от широкой общественной деятельности, к которой он, казалось, был предназначен и по своим природным дарованиям, и по своим наклонностям.

Что заставляло его так поступать? Вопрос этот часто обсуждался его знакомыми, но никто не мог дать на него удовлетворительного ответа. Однажды заговорила с ним об этом его жена, но во взгляде, который он бросил на нее, было столько душевной муки, что она поспешила, в знак полного доверия к нему, поцелуем положить конец этой тягостной сцене. Но она не забыла ее и когда 12 июля она снова увидела то же выражение на лице мужа, когда она почувствовала, в какой душевной мучительной тревоге находился он целый день, ее охватило тяжелое предчувствие, что ему грозит большое несчастье. Возможность того, что ее муж примет деятельное участие в войне и даже сам поведет отряд на поле сражения, не раз представлялась ей и раньше. Мысль о разлуке и об опасностях, которые могли ему угрожать, заставляла трепетать ее любящее сердце, но страх, испытываемый ею теперь, был совсем другого рода. Это был безотчетный ужас перед чем-то неведомым, что происходило в душе ее мужа, до сих пор, казалось, бывшей для нее открытой книгой. Чего она, собственно, боялась, она сама не знала,

но ее тревога была так сильна, что невольно она проследила мысленно всю свою жизнь, желая найти в прошлом ответ на то, что заставляло замирать ее сердце. Сэмюела Уайта она знала с детства. Вместе росли они в маленьком городке и он был товарищем ее игр еще тогда, когда они и сами не могли подозревать, что со временем им суждено полюбить друг друга. Когда молодой человек уехал искать счастья на Западе, она строила планы будущего, в которых не последнее место занимала мечта о безмятежной семейной жизни с ним. По его возвращении она не спросила даже, удалось ли ему разбогатеть или хотя бы есть ли у него какое-нибудь имущество. Она встретила его после долгой разлуки радостным взглядом, и первые слова, с которыми она обратилась к нему, звучали как привет любви. Его сердце также принадлежало ей, она это чувствовала, и, однако, несмотря на это, свидание их отличалось странным характером – его как будто смущало все, что могло служить доказательством неизменности ее любви. Эта застенчивость, как она называла, не умея найти другого, более подходящего названия, и необъяснимое поведение жениха поражали ее и тогда, но теперь, обсуждая снова прошлое, она пришла к заключению, что он как бы боялся связать себя обещанием жениться на ней. Тем не менее брак их состоялся, и он был верным, любящим мужем. Никогда она не имела повода ревновать его, хотя он был красив и пользовался успехом у женщин. Одно только тяжелое разочарование пришлось ей испытать со временем: ее надеждам на то, что муж ее выдвинется на поприще общественной деятельности и займет соответствующее своим дарованиям место, не суждено было сбыться. Как гордилась бы она его успехами! Ей легче было бы переносить страдания, причиняемые ей постепенно развивавшейся болезнью; для нее было бы утешением видеть его окруженным почетом и сознавать, что он играет далеко не последнюю роль в государственной жизни. Что он достоин был занять выдающееся место среди тех, кто призван руководить народными массами, в этом она никогда не сомневалась. Он обладал широким развитием; работа для него являлась наслаждением; казалось, он родился, чтобы занимать выдающееся положение. И все-таки он оставался в безвестности и даже сам старался, чтобы о его работах знал возможно меньший круг лиц, как будто он стыдился своей деятельности.

Такие мысли приходили в голову миссис Уайт в тот мучительный для нее день. Но она не нашла разгадки тайны, которая окружала ее и грозила разрушить ее спокойную жизнь.

Из одиннадцати лет супружества пять она с мужем провела в Нью-Йорке, где Уайт был маклером; потом они переселились в Вашингтон, и там он начал принимать участие в политической жизни страны, но в полной тайне, будто скрываясь, так что, хотя его влияние на общественные дела уже становилось заметным, имя его упоминалось редко, и вообще он избегал выступать публично. С некоторого времени он даже стал реже выходить из дому. Порой в его глазах являлось выражение тайного страха, в особенности оно было заметно при получении им письма 13 июля.

Достаточно было бы ей протянуть руку к этой записке, чтобы получить разъяснение всех загадок, над которыми она до сих пор напрасно ломала себе голову. Но в первую минуту она колебалась, а потом было уже поздно – муж разорвал письмо на мелкие кусочки и с выражением, в котором чувствовалась беспомощность, устремил взор в пространство. Когда его потухшие глаза встретили ее вопросительный взгляд, он протянул к ней руку, словно умоляя ее молчать, и шатаясь вышел из комнаты. Почти час спустя он вернулся, уже овладев собой, и сказал ей, что получил письмо, приглашающее его немедленно явиться в Нью-Йорк. Перед отъездом ему хотелось видеть своего сына Стенхопа, и поэтому он просил скорее послать за ним. После этого ее тревога еще более возросла. Стенхоп находился в школе в Джорджтауне, на расстоянии нескольких миль от Вашингтона. Не считал ли муж опасным путешествие в Нью-Йорк, где тогда бушевало восстание черни, и не хотел ли проститься с мальчиком? Но остановиться на таком предположении для нее, казалось, не было возможным, так как ей были известны решительность и сила характера Уайта.

В течение дня ей пришлось видеть его очень мало, так как он большую часть времени провел за письменным столом. Как ни принуждал он себя казаться спокойным в ее присутствии, на лице его ясно отражалась глубокая скорбь. Она не могла выносить более такого напряженного состояния.

– Сэмюел, – воскликнула она голосом, в котором звучали одновременно и страдание и мольба, и обняла его, – скажи, что так мучит тебя? Что значит твой внезапный отъезд? Призывают ли тебя государственные дела или это твое личное дело? Но в таком случае ты не должен был бы скрывать его от меня!

Он помолчал с минуту и потом сказал тоном, не допускавшим дальнейших расспросов:

– Мне нужно поехать в Нью-Йорк по частному делу. Если бы была какая-нибудь необходимость познакомиться тебя с ним, я бы это сделал.

Смысл его слов звучал обидно, но, произнося их, он горячо обнял ее.

– Не забывай, – прибавил он с волнением, – что я всегда любил тебя.

И не успела она еще прийти в себя от изумления, как он оставил комнату.

«Я подожду приезда Стенхопа, – думала она. – Он наверняка узнает, что так мучит отца и почему он именно теперь собирается в Нью-Йорк».

Но с приездом Стенхопа тайна не только не раскрылась, а еще более затемнилась.

Вместо того чтобы позвать его к себе и приласкать, Уайт, казалось, боялся увидеть своего ребенка. Только почти перед отъездом он вышел из своего рабочего кабинета и взял сына на колени. Он пробовал заговорить, но голос его оборвался. Он на мгновение склонил свою голову, потом решительно отстранил ребенка.

– Мои дела будут окончены завтра вечером, – сказал он жене, которая протянула к нему руки, словно желая удержать его. Голос его звучал странно и неестественно. – Послезавтра ты услышишь обо мне, а еще через день я, вероятно, снова буду здесь.

Он действительно вернулся, но не совсем так, как предполагал в ту минуту.

Лемуел Филипс из Буффало, которого полученное им в тот же день письмо приглашало в Нью-Йорк, был человеком совершенно не похожим на Уайта из Вашингтона. Он был строен и худощав, с тонкими чертами лица. Трудно решить, были ли тому виною добрые или злые силы, таившиеся в нем, но он невольно привлекал к себе общее внимание. Ему шел сороковой год, но при встрече с ним на улице, когда он шел сгорбившись, легко можно было дать ему лет на двадцать больше. Его живые глаза, выразительный рот и быстрые движения показывали, однако, что он был еще полон сил и энергии. Ходил он всегда останавливаясь на каждом шагу, словно человек, боящийся преследования и каждую минуту готовый обратиться в бегство. Такое впечатление, по крайней мере, он производил на окружающих. Время от времени он украдкой оглядывался, и это как бы подтверждало догадку, что он чего-то боится. Если бы он не был одним из самых уважаемых граждан, его поведение могло бы навлечь на него много неприятностей, а теперь он только слыл за чудака, и единственным стеснением, которое ему приходилось испытывать, было то, что порой мальчишки на улице передразнивали его походку.

В скромном домике в западной части города он жил как человек, посвятивший себя научным занятиям. Какими науками он занимался – знали немногие, да никто особенно этим и не интересовался. В денежных средствах он, по-видимому, не нуждался, ни в чем себе не отказывал и тайно жертвовал на многие благотворительные учреждения. В общественной жизни он не принимал участия, в многолюдных собраниях и вообще в тех местах, где можно было ожидать скопления большого числа людей, он бывал так же редко, как и Уайт из Вашингтона. Вообще большую часть своего времени он проводил в четырех стенах. Но даже и там его случайных посетителей поражало, что он постоянно с беспокойством оглядывался то в одну, то в другую сторону, словно боялся появления на пороге непрошеного пришельца. Это напряженное внимание сделалось как бы его второй натурой. Все домашние знали его привычки и считались с

ними. Даже его маленькая миловидная дочка никогда не вбегала в комнату, не крикнув предварительно, словно успокаивая его: «Это я, папа!»

В Буффало он поселился за три года до событий, о которых идет речь. Сначала он жил один, потом откуда-то привезли к нему его ребенка, который был тогда еще на руках у няни. На задаваемые ему вопросы Филипс говорил, что пять месяцев назад овдовел, но о своей покойной жене и прежнем месте жительства не рассказывал ничего. Скоро он успел завоевать в городе общее доверие. Трогательная любовь его к своему ребенку и тихая жизнь ученого говорили в его пользу.

Для более внимательного наблюдателя многое в нем показалось бы непонятным. У человека, который всего пугается и боится завернуть за угол улицы, должна быть на душе какая-то тайна, которая его тревожит. И если такая тревога в течение дня доводит его до состояния, граничащего с ужасом, то нетрудно догадаться, что в его прошлом кроется что-то таинственное, разоблачения чего он страшится.

12 июля в продолжение всего дня он испытывал тоску и ужас, не поддающиеся описанию. Поздно вечером, вместо того чтобы лечь в постель, он отправился в свой кабинет, где целую ночь просматривал и приводил в порядок бумаги. Когда наступило утро и пришел почтальон, из-за нервного возбуждения он едва мог взять из рук служанки письмо, которое та ему принесла. Дрожа, он вскрыл конверт, прочел единственную строчку, заключавшуюся в письме, и подавленный крик страдания вырвался из его груди.

Когда час спустя его дочка вбежала в столовую и увидела отца таким печальным, она влезла к нему на колени, обвила ему шею руками и осыпала его поцелуями. Он быстро поставил ее на землю, словно не мог выносить ее ласк, и поспешил на кухню, где нашел преданную Абигейл Симмонс за работой.

– Вы обещали мне всегда любить моего ребенка! – воскликнул он, схватив ее за плечо. – Вы не забыли этого?

Абигейл посмотрела на него удивленно.

– Как же я могу иначе относиться к такой милой малютке?

– Но если бы она осталась на свете одна? Если бы со мной что-нибудь случилось?..

– Что же может случиться? Ведь вы не больны, господин?

– Нет, но... я уезжаю в Нью-Йорк, – произнес он, запинаясь. – Это моя первая разлука с ребенком, и я боюсь какого-нибудь несчастья. Могу ли я быть уверенным, что вы окружите ее материнскими заботами, если бы я не вернулся?

– Я буду беречь ее как зеницу ока! – отозвалась добрая женщина. – Что же у меня есть более дорогого на свете?

Он вздохнул с облегчением.

– Вы, может быть, боитесь восстания, – продолжала Абигейл, смотря на него пронизательным взглядом. – Этого, могу себе представить, я бы сама боялась.

С минуту он смотрел на нее пристально, будто не понимая ее слов, потом быстро вернулся в комнату, где уже сидела за столом малютка. Все в ней дышало здоровьем и детским весельем; она качала головкой, отчего развевались ее золотистые локоны, и ее беззаботному лепету, казалось, не будет конца. При виде дорогого личика он почувствовал, что его страдания еще усилились. Девочка продолжала болтать, не замечая, какая мертвенная бледность покрыла щеки ее отца. Казалось, в уме его созрело внезапно ужасное решение. Он подошел к своему письменному столу, открыл один из маленьких боковых ящиков и вынул оттуда флакончик.

– Иди же завтракать, папа! – закричала девочка. – Не могу я сидеть здесь совсем одна!

При звуке ее голоса он невольно вздрогнул, потом подошел и встал за ее стулом, потому что не мог смотреть в ее невинные карие глазки. Его губы были пепельно-бледны, большие капли пота струились по лбу.

– Дай мне свою чашечку! – хрипло прошептал он.

Она посмотрела на него изумленно, когда он взял чашку и наклонил над ней флакончик. Вдруг он пронзительно вскрикнул и бросил чашку в самый дальний угол комнаты.

– Я не могу! – простонал он и, громко рыдая, опустился на стул, не пытаясь больше сдерживаться.

Испуганная малютка соскользнула со своего стула, посмотрела с минуту на отца широко раскрытыми глазами и потом быстро убежала к Абигейл.

Она, очевидно, и не почувствовала, как близко от нее пролетел ангел смерти. Не далее как минут через пять отец снова мог слышать ее звонкий смех и радостные крики, в которых не было и следа пережитого страха.

Глава II 14 июля 1863 года

Пробило семь часов вечера, на улицах было еще светло, но, несмотря на это, многие дома в Нью-Йорке были заперты будто ночью. Особенно это бросалось в глаза на Эмити-стрит. В той части города, в которой она находится, и главным образом в старых домах между Бродвеем и Шестой авеню, находили себе убежище многие негры, а везде, где были черные слуги, царил тогда страх.

Только один из этих домов, хотя также наглухо запертый, был ярко освещен, что возбуждало немалое удивление соседей. Незадолго до этого он еще стоял пустым, и никто ничего не знал о его обитателях; видели только, что высокий негр зажигал газ и закрывал ставни. Дом этот был старинным зданием, какие часто встречаются в этом районе. Низкие ступени, ведущие к дверям, были огорожены странной формы чугунными перилами, окна жилых комнат выходили на балкон, и через полукруглое стекло над входной дверью, как бы приглашая прохожего зайти, виднелся свет лампы, горевшей в прихожей.

Однако всякого рода догадки относительно обитателей стоявшего раньше пустым дома, равно как и многие другие, более важные вещи, были забыты, когда на Эмити-стрит распространилось всех повергшее в ужас известие, что началось восстание черни. Уже издали слышались зловещие звуки: топот бесчисленных ног, неистовый гул голосов и рев разъяренной толпы, гораздо более страшный, чем шум разбушевавшегося моря или завывание диких зверей. Однако пока все это доносилось только издали, сама же улица оставалась безлюдной и пустынной.

Вдруг из-за угла показались два человека, оба они направлялись к дому № 31. В наружности одного из них, красивого мужчины с белокурыми усами, было что-то привлекательное. Он шел быстро, печальные глаза его смотрели прямо вперед. Другой был худощав, сгорблен; выражение лица казалось до того необыкновенным, что тот, кому довелось бы хоть раз увидеть его, едва ли бы его забыл. Оба ускорили шаги, словно их гнала какая-то непреодолимая высшая сила. Они заметили друг друга, казалось, только тогда, когда остановились перед дверью дома. Они оба вздрогнули. Каждый из них, казалось, собирался что-то сказать, но ни один не мог произнести ни звука. Они обменялись безмолвным поклоном, как люди, соединенные одним общим несчастьем, потом, бросив взгляд на номер дома, поднялись по немногим ступеням лестницы, причем тот, который держался прямо, уступал дорогу своему спутнику, очевидно, старшему. Нерешительно тот и другой протянули руку к звонку.

– Вы очень изменились, – тихо заметил при этом младший старшему.

Его товарищ молчал, дрожа всем телом.

– У меня меньше мужества, чем у вас, – пробормотал он наконец.

Первый вздрогнул и сильно дернул звонок.

– Хоть бы скорее все это кончилось! – воскликнул он и тотчас же прибавил поспешно, услышав за дверями шаги: – А вы сделали все, чтобы сохранить тайну?

– Прошу войти, господа, – прозвучал слащавый голос. – Вы из Вашингтона, не правда ли? А вы из Буффало? Прекрасно, мой господин ждет вас.

В открытых дверях стоял, вежливо улыбаясь, высокий негр, тот самый, загадочная личность которого заставляла соседей в течение целых суток напрасно ломать себе голову.

При этих словах пришедшие невольно отступили. Оба они оглянулись и бросили еще один долгий взгляд на окружающее, как бы прощаясь со светом и со всем, что он сулит прекрасного живущим.

Они, казалось, не слышали топота и шума приближавшейся толпы. Более сильный страх сковывал их сердца, и не здесь, на улице, а там, в доме, ожидала их опасность, перед которой они трепетали.

Когда оба гостя вошли, негр запер за ними двери. Он оказался услужливым и хорошо вымуштрованным слугой.

– Мой господин сейчас придет сюда, – уверял он.

Взяв у них из рук шляпы, он ввел их в большую приемную направо и бесшумно удалился.

Вошедшие остановились около дверей комнаты и окинули ее тоскливым взором. Прежде всего им бросился в глаза богато накрытый стол.

Высокий, в котором тотчас же можно было узнать Уайта, сделал шаг вперед.

– Три, – сказал он с странным выражением, указывая на стулья у стола.

Его спутник, очень походивший на Филиппа из Буффало, также приблизился и стал рассматривать отдельные приборы на столе удивленным и подозрительным взглядом.

– Он хочет, чтобы мы с ним обедали, – пробормотал он.

Уайт остановил взгляд на бокалах, стоявших у каждого прибора.

– Обед из многих блюд, – заметил он.

– Эта комедия мне противна! – воскликнул Филипп. – Я предпочел бы найти здесь только два...

Он запнулся и, быстро протянув руку, снял крышку с одного из блюд, стоявшего против тарелки.

– Я так и думал, – произнес он, бледнея и заикаясь.

Уайт, в свою очередь, поднял крышку с другого блюда и, бросив на него быстрый взгляд, снова прикрыл его.

– Этот человек действительно вздумал разыграть комедию, – сказал он и после некоторого молчания прибавил: – Посмотрите, только два покрытых блюда.

– Положим этому конец, – сказал Филипп, дико озираясь, и схватил с первого блюда маленький заряженный пистолет.

Товарищ его не соглашался.

– Нет, – произнес он твердо, – в письме, которое я получил, стояло восемь часов. Осталось еще пятнадцать минут.

Он указал на столовые часы, стоявшие на камине.

– Пятнадцать минут!.. Целая вечность!.. – простонал Филипп, однако положил пистолет на прежнее место.

Уайт прикрыл также и это блюдо.

Воцарившееся вслед за тем тяжелое молчание было прервано приходом негра, который принес несколько бутылок шампанского. Уайта раздражали его почтительный вид, его невозмутимое спокойствие.

– Вы накрывали здесь стол? – спросил он резко.

– Да, мистер.

– И никто, кроме вас, в это не вмешивался?

– Никто, мистер.

Уайт больше не расспрашивал. Негр сохранил свой бесстрастный вид и спокойно перенес направленный на него испытующий взор.

– Мой господин должен сейчас явиться, – повторил он, посмотрев на часы, и тотчас же удалился.

Филипс во время этого короткого разговора подошел к камину и остановился.

– Вы хотели знать, – начал он торопливо, – имею ли я семью? Да, у меня есть ребенок, маленькая девочка, лишившаяся матери. Ради нее...

Уайт сделал ему знак рукой, чтобы он не продолжал. Потом он вынул из бокового кармана фотографию.

– А у меня больная жена и...

Он протянул Филипсу карточку, которую тот схватил.

– Мальчик! – воскликнул он дрожащим голосом.

Оба вздрогнули, словно пораженные электрическим ударом.

Едва слышно Уайт прошептал:

– Ему только десять лет! О, я понимаю его и поэтому безропотно отдаюсь своей судьбе.

Не отрываясь смотрел Филипс на портрет мальчика, казалось, имевший для него неотразимую, притягательную силу.

– Как он хорош!.. Какие благородные черты лица! – восторженно восклицал он.

Глубокий вздох вырвался из груди отца.

– Подобного ему нет на свете, – сказал он, беря портрет обратно, но сам не решился взглянуть на дорогое изображение и спрятал его на груди.

Между тем голоса на улице раздавались все громче, шум достиг такой степени, что давно бы должен был обратить на себя внимание разговаривавших, если бы они не были поглощены другим.

– Что там такое? – спросил наконец удивленный Филипс.

В эту минуту в комнату снова вошел негр.

– Не беспокойтесь, господа, – заметил он. – На улицах небольшое волнение. В настоящее время чернь возбуждена против чернокожих и, вероятно, узнала, что в этом доме есть негр.

Пораженные его полным хладнокровием перед лицом угрожавшей ему опасности, Уайт и Филипс переглянулись.

– Может быть, мятежники придут сюда? – воскликнул последний. – Не замышляют ли они чего-нибудь?

– На углу живут еще две семьи, у которых есть черные слуги, – ответил слуга с тем же невозмутимым спокойствием. – Значит, еще два раза им придется выдержать борьбу. Если в дело вовремя вмешается полиция, то она может затянуться настолько, чтобы дать вам возможность окончить ваш обед, господа.

При последних словах Уайт покраснел от гнева. Филипс, напротив, казалось, ожил, как будто ему снова блеснул луч надежды.

– Разве вы не боитесь? – спросил он. – Говорят, что мятежники не останавливаются ни перед каким зверством.

– Только одно заботит меня, – прозвучал ответ слуги, – мой господин хотел вернуться домой по Шестой авеню. Он легко может попасть в руки черни и не прийти сюда к назначенному времени.

По-видимому, не обращая внимания на то, какое сильное волнение вызвали эти слова в обоих посетителях, негр продолжал:

– Здесь, внизу, я не могу открыть ставень, но если вы желаете, то я посмотрю из верхнего этажа.

Он оставил комнату.

– Это не обыкновенный слуга, – сказал Уайт мрачным тоном, когда оба снова остались одни. – Орудие так же опасно, как и рука. Если тот, кого мы боимся, не вернется, то всегда против нас будет свидетель.

– Чернь ревет: смерть всем неграм! Если что-нибудь произойдет – ведь остается всего пять минут, – это может быть нашим спасением!

В словах Филиписа звучала возродившаяся надежда, он совершенно изменился.

Настроение Уайта, наоборот, осталось прежним.

– Разве мы все-таки не останемся связанными нашей клятвой? – сказал он, качая головой.

Филипис вздрогнул и посмотрел на него испуганным взглядом.

– Вы думаете? – спросил он. – Если бы тот человек был ранен... убит... вы все-таки...

Он сразу замолк. Неслышными шагами снова вошел в комнату негр.

– Плохо дело! – озабоченно сказал он. – Я, конечно, не могу хорошенько рассмотреть в темноте, но со всех сторон летят камни и раздаются стоны и крики раненых. Мятежники теперь ломятся в двери соседнего дома. Он продержится всего несколько минут.

Гости молча посмотрели на часы. Стрелка приближалась к восьми.

– Если твой господин не явился к назначенному часу, то я сочту себя вправе оставить этот дом! – воскликнул Филипп в сильном волнении.

– Если только он жив, он будет здесь, – прозвучал ответ.

– Но ведь уже восемь часов, – торжествующим тоном произнес Филипп, когда раздался первый удар часов, – а между тем...

В ту же минуту раздался резкий, пронзительный звук звонка. Филипп остановился, не окончив начатой фразы; голова его опустилась на грудь. В одну минуту он постарел, и вид его снова стал жалким.

– Видите, – сказал негр, почтительно кланяясь, – мой господин умеет держать свое слово.

В то время, когда он пошел открывать двери, приглашенные молча подошли к столу и неподвижно остановились около предназначенных для них стульев. Один – бледный, но с решительным видом, другой – с опущенной головой, олицетворение полного отчаяния. Они совершенно забыли о внешнем мире. Если бы потолок обрушился над их головами, они вряд ли обратили бы на это внимание. Волнение на улице не тревожило их. В душе их происходила более тяжелая драма, и смертельная опасность грозила им не от ярости разнузданной толпы.

Позади их отворилась дверь. Услышав это, машинально, не оглядываясь, оба одновременно протянули руку к покрытому блюду. С минуту все было тихо, и вдруг раздались слова настолько для них неожиданные, что оба сразу повернулись к говорившему. Перед ними стоял негр.

– Господин мой сейчас прислал мальчика, – сказал он, – чтобы дать вам знать о постигшем его несчастье. Он попал в руки черни и просит вас подождать несколько минут, пока он освободится. Обед не пострадает, я позабочусь об этом.

– Может быть, – гневно вскричал Филипп, – но я потерял аппетит, раз прошел назначенный час!

– Вы не можете теперь уйти из дому, – возразил холодно и решительно негр, – на улице летает слишком много пуль.

– А у вас самого есть оружие? – спросил Уайт, быстро приближаясь к столу.

Вместо ответа негр вынул руки из-за спины – в каждой блестело по пистолету.

– Так я и думал, – заметил Уайт. – Нам лучше будет подождать нашего хозяина, – прибавил он со вздохом, обращаясь к Филиппу.

По лицу негра пробежала усмешка, которой никто из них не заметил. А может быть, для них было бы счастьем, если бы они ее видели.

Глава III

Неожиданный конец

Вдруг на улице поднялся адский шум. Окна дрожали, раздавались пронзительные вопли женщин, все ближе слышался вой и угрожающие крики обезумевшей толпы. Внизу снова кто-то дернул за звонок, но на этот раз негр не торопился отпереть двери.

– Это не звонок моего господина, – сказал он и, прислушиваясь, приложил ухо к дверям, но тотчас же отшатнулся – дверь задрожала от сильных ударов кулаком.

– Отворите! – раздались грубые голоса. – Давайте нам негра, и мы пойдем дальше!

– Негра, негра! – ревели сотни людей. – Давайте нам негра!

Уайт, который стоял подле Филиписа, только что поднял руку к газовому рожку, чтобы потушить предательский свет, как вдруг вбежал негр.

– Подождите минуту! – крикнул он громко, стараясь перекричать оглушительный шум. – Мой господин, наверное, сейчас вернется, и тогда...

Он остановился, стал прислушиваться и снова убежал, на этот раз в комнату, находившуюся в задней стороне дома.

– Что нам делать? – с тоской спросил Филипис. – Я предпочел бы встретить разъяренных чертей, чем этого человека.

– У нас нет выбора, – отозвался Уайт. – Возможно, что чернь разрушит дом, помешать этому мы не в силах. Но я, кажется, слышал ружейные залпы, значит, подходят войска.

Филипис покачал головой и бросил нетерпеливый взгляд на дверь – ключ был вынут, но зато не представляло большого труда отодвинуть засовы, которыми запирались ставни.

Уже, несмотря на мрачные взгляды Уайта, он хотел попытаться сделать это, но вдруг прямо в лицо ему полетели щепки: ставень был разбит.

– Негра! Давайте нам негра! – этот крик слышался теперь через образовавшееся отверстие с ужасающей ясностью.

В безотчетном страхе бросился Филипис к столу и хотел схватить пистолет.

– Я не дамся им в руки живым! – воскликнул он. – Я буду защищаться до последнего вздоха.

В это время кто-то словно железными тисками остановил его руку. Пред ним стоял негр, держа в руках клочок бумаги, на котором было набросано несколько слов.

– От моего господина! – закричал он громко, между тем как удары сыпались все чаще в окна и двери.

Филипис посмотрел на бумагу, но не в состоянии был ничего прочесть. Уайту через несколько минут удалось разобрать написанное:

«Ранен, умираю. Скажи господам, что они могут идти...»

Бледное лицо Уайта сделалось сразу багровым, он задрожал и в момент, когда явилась надежда на спасение, сделался более слабым, чем был во время страшного напряжения.

– Мы освобождены, помилованы, отпущены! – закричал он на ухо Филипису. – Этот человек умирает, перед смертью сердце его смягчилось.

Тот испустил ликующий крик.

– Скорей, скорей отсюда! Бежим! – задыхался он. – Жить, быть свободным, снова видеть мою дочку...

Он устремился к дверям, но вспомнил о кровавадной толпе, и ноги отказались служить ему. С беспомощной мольбой посмотрел он на негра. Тот снова принял свой прежний почтительный вид и сделал обоим знак следовать за ним.

– На заднем дворе у стены вы найдете лестницу, – сказал он, как только они отошли достаточно далеко для того, чтобы его можно было слышать. – Я поставил ее там, чтобы обеспечить свое собственное спасение, но она к вашим услугам.

Уайт вынул клочок бумаги из кармана жилета, куда он его спрятал.

– Где посланный, который принес эту записку? – спросил он, бросив испытующий взгляд на негра.

– Ушел. Он приходил через задний двор.

– А ваш господин? Где он?

– Лежит на полу в соседнем кабачке. Он испустил последний вздох в тот самый момент, когда этот человек его оставил. Камень попал ему в грудь и перебил ребра. Иначе, – прибавил выразительно негр, – он не преминул бы принять своих гостей.

Уайт послал какое-то проклятие по адресу чернокожего и повернулся к нему спиной.

– Идемте! – крикнул он Филиппу и, словно освободившись от тяжелого бремени, стал спускаться по немногим ступеням, ведущим во двор.

Филипп радостно устремился за ним мимо негра.

В это время шум на улице внезапно прекратился. Филипп оглянулся. Это мгновение было роковым. Два зеркала, которые висели на противоположной стене, отразили перед ним заднюю комнату, и там он увидел человека, лицо которого узнал, несмотря на то что не видел его уже двенадцать лет.

Это был их хозяин, которого они напрасно и со страхом ожидали. Не мертвый и не раненый, полный сил и здоровья, стоял он с выражением дьявольского торжества на насмешливо улыбавшемся лице, словно радуясь успеху хорошо обдуманного плана.

Оцепенев от ужаса при виде гибели всех своих надежд, остановился Филипп. Негр, который думал, что он медлит из страха перед яростью черни, поспешил успокоить его уверением, что полиция разогнала толпу и бунтовщики убежали по направлению к Бродвею. Это известие, казалось, вывело Филиппа из его оцепенения. Он дико захохотал.

– Ну так и я убегу! – воскликнул он, устремляясь вслед за Уайтом, и исчез во дворе раньше, чем в доме потушили огни.

О том, что открыл ему последний взгляд, брошенный им в комнату, он никогда не сообщил своему товарищу. Вероятно, у него были на это свои причины.

Книга вторая Неумолимый мститель

Глава IV Прерванное торжество

Вечером 20 сентября 1878 года на Пятой авеню двое рабочих снимали временный навес над входом в соборную церковь, устроенный по случаю происходившей здесь утром свадебной церемонии. Один из наиболее уважаемых граждан Нью-Йорка после многих лет вдовства женился на молодой и красивой девушке. Толпа народа собралась, чтобы посмотреть на свадебный поезд и присутствовать при совершении церковного обряда. Но так же, как и утром, на церковной площади теперь опять толпился народ. Вероятно, случилось что-нибудь необыкновенное, сильно всех взволновавшее: обращенные по направлению к входным дверям, на которых виднелись еще последние следы свадебных украшений, взоры собравшихся, испуганные лица людей, их шепот и боязливые вопросы – все указывало, что случилось нечто неожиданное и роковое.

– Вы говорите, умер?

– Да, спустя едва пять часов после свадьбы!..

– Человек, у которого миллионы и который в прошлую осень чуть не был избран губернатором!

Такие восклицания слышались там и здесь.

Блестящее свадебное торжество, по-видимому, кончилось очень печально. Судя по отрывочным фразам, с новобрачным должно было случиться какое-то несчастье – можно было предположить, что он погиб насильственной смертью.

Проезжавший мимо молодой человек в изящном костюме при виде толпы с любопытством выглянул из кареты. Слова, которые он услышал, испугали его. Он тотчас же обратился к ближайшему из толпы и спросил, что случилось.

– Сэмюэл Уайт умер, – прозвучал короткий ответ. – Застрелился как раз в ту минуту, когда собирался со своей молодой женой в свадебное путешествие. Только сегодня утром они были обвенчаны в этой церкви.

При этом неожиданном известии сидевший в карете молодой человек откинулся назад, как будто ему самому был нанесен смертельный удар. Потом он овладел собой и посмотрел на улицу.

Перед большим угловым домом он увидел громадное стечение народа; не было больше сомнений в том, что там произошло несчастье. В первую минуту он закрыл лицо руками, потом нетерпеливо крикнул кучеру, чтобы тот ехал дальше.

Карета покатила по мостовой, но через несколько минут остановилась. Когда рассерженный этой задержкой Джек Холлистер высунулся из окна, к нему подошел полицейский.

– Вы бы лучше вернулись, – сказал он, – там не принимают теперь гостей. Господин Уайт убит.

– Знаю, но я дружен с этой семьей. Господин Уайт, я говорю о сыне, наверняка пожелает видеть меня. Вы получите пять долларов, если поможете мне добраться до дому.

Он быстро выпрыгнул из кареты. Полицейский бросил взгляд сперва на молодого человека, потом на густую толпу.

– Это будет трудновато, – сказал он, – но я попытаюсь.

Несколько минут спустя пять долларов лежали у него в кармане, а Холлистер стоял в передней дома Уайта.

К нему подошел сыщик.

– Что вам угодно?

– Я свой человек в этом семействе и хочу видеть Стенхопа Уайта. Вот моя карточка.

Сыщик сделал знак старому слуге, который стоял неподалеку.

– Вы думаете, господин Уайт примет кого-нибудь?

– Этого господина – конечно, – ответил слуга и открыл Холлистеру дверь в приемную.

В комнате царил полумрак, ставни были закрыты, и сильный аромат цветов наполнял воздух. Молодой человек, который с внешним светским лоском соединял и душевную чуткость, со стесненным сердцем остановился на пороге. Мысль о том, что скоро здесь место свадебных букетов займут погребальные венки, поразила его воображение.

Среди присутствующих находился доктор Форсет, домашний врач семьи Уайт. Холлистер, заметив его, тотчас же направился к нему и сел с ним рядом.

– Что вы скажете об этом ужасном происшествии? – спросил он. – Господин Уайт убит, но кем же?.. Вот страшная загадка для меня.

– Как и для всех, – ответил доктор. – Уайт пошел в свою спальню, как все думали, чтобы переодеться для путешествия. Вдруг раздался пистолетный выстрел. Когда прибежала из другой комнаты молодая жена и Стенхоп, бывший в это время на лестнице, они нашли его лежащим на полу, а рядом с ним валялся еще дымящийся пистолет.

– Так он сам покончил с собой? А я думал...

– Тише! Должно быть, произошла несчастная случайность. Вероятно, он хотел положить пистолет в чемодан, в это время произошел нечаянный выстрел, и пуля попала ему в сердце. Какой ужасный и неожиданный конец блестящей карьеры!

– А жена его?

– Конечно, она поражена как громом. Такой прекрасный человек! Но самую чувствительную утрату с его смертью потерпело отечество. Уайт, конечно, достиг бы со временем высших государственных должностей...

Холлистер встал.

– Где Стенхоп? – спросил он с беспокойством. – Я думаю, он захочет повидаться со мной.

– Он, вероятно, предпочтет остаться совершенно один. Я пришел уже полтора часа назад, как только случилось несчастье, и в продолжение этого времени никто не пытался войти к нему, кроме миссис Гастингс. Горе его еще настолько велико, что стараются тревожить его как можно меньше.

Но Джек не ошибался. После нескольких минут ожидания посланный сообщил, что Стенхоп желает говорить со своим другом. Тогда он тихо поднялся по лестнице, на перилах которой еще красовались праздничные гирлянды цветов. Следуя за шедшим впереди слугой на верхний этаж, Холлистер вдруг остановился. Дверь напротив отворилась, и дама средних лет, богато одетая для свадебной церемонии, показалась на пороге.

– Успокойся, дорогое дитя, – сказала она тоном материнского наставления. – Я скоро возвращусь, только поговорю с твоим отцом. Тебя нельзя оставлять одну в такое тяжелое время.

На эти слова, очевидно обращенные к молодой женщине, так неожиданно сделавшейся вдовой, прозвучал невнятный ответ из глубины комнаты, потом дверь закрылась. Мать, шурша своим дорогим шелковым платьем, спустилась с лестницы, не заметив Холлистера. Он посторонился, стараясь избежать встречи с ней, хотя знал ее хорошо. В сильном волнении еще раз взглянул он на закрывшуюся дверь и пошел дальше по лестнице.

Когда он вошел к Стенхопу, тот приветствовал его горячим рукопожатием.

– Теперь я знаю, кого мне так недоставало в эти минуты, – сказал он. – Это именно тебя, Джек.

Друг его пытался сказать ему несколько сочувственных слов, но голос его оборвался. Во всем поведении Стенхопа было что-то странное, ему не совсем понятное, что не могло быть объяснено ни пережитым ужасом, ни скорбью об отце. Поэтому Джек молча ждал, чтобы заговорил Стенхоп.

Стенхоп не обманул тех надежд, которые подавал ребенком. Стройная его фигура и мужественно-прекрасные черты лица привлекали всеобщее внимание. Вместе с тем он умел внушить каждому доверие, так как его привлекательная внешность была только зеркалом благородной, открытой, возвышенной души. Мужчинам нравился его общительный характер, женщинам – рыцарская почтительность, детям – его приветливая улыбка и дружеское обращение. С юных лет он был общим любимцем, и только благодаря благоразумному воспитанию его покойной матери постоянные похвалы не вскружили ему голову, не сделали его тщеславным. В то время, к которому относится рассказ, Стенхопу было двадцать пять лет, и отличительной чертой его было всегда ровное расположение духа.

Нет ничего удивительного, что в этот роковой день он показался Джеку таким странным. Никогда еще он не видел своего друга омраченным, темные линии вокруг глаз и рта изменили его до неузнаваемости. И кроме того, что значило это беспокойство?

Холлистер сам так сильно волновался, что почувствовал даже некоторое облегчение, когда заговорил Стенхоп, хотя то, что он услышал, поразило его своей неожиданностью.

– Ты юрист, Джек, у тебя есть проницательность и правильный взгляд в деловых вопросах. У меня к тебе есть просьба, если ты, конечно, расположен ее исполнить. Хочешь взять на себя мое поручение? Оно требует осторожности и самообладания. Ты легко с ним справишься, между тем как я чувствую себя таким разбитым, что положительно не в состоянии буду ничего сделать.

– Я к твоим услугам, – отвечал Джек, хотя и с некоторым смущением, так как он не мог предугадать, к чему клонится речь его друга.

Стенхоп вздохнул с облегчением, потом запер двери и сел напротив Джека на диван, где они, бывало, проводили столько приятных часов за курением и дружескими беседами.

– Джек, – начал он очень серьезно, – ты знаешь, что смерть еще не самое худшее из того, что случилось в этом доме.

Яркая краска залила лицо Джека, он, казалось, совсем растерялся.

– Невозможно, – пробормотал он. – Не могла же она...

Стенхоп схватил его руку как железными тисками.

– Я говорю, – сказал он выразительно, – что меня мучает ужасное сомнение. Несчастная ли случайность унесла жизнь моего отца или что-нибудь другое? Чтобы знать это наверняка, я отдал бы миллионы, оставшиеся мне, и даже собственную жизнь.

Пораженный Джек пристально посмотрел на своего друга.

– Я не понимаю тебя, – произнес он с легкой дрожью в голосе, – я был уверен, что твой отец любил миссис Гастингс. Какие же у тебя основания предполагать, что здесь была не простая случайность?

– Я не могу тебе сказать, Джек. Поэтому-то я так настоятельно и прошу твоей помощи. Ты один можешь оказать мне содействие. Всякий другой тотчас же спросит меня о причинах моих сомнений.

Джек быстро поднялся с места, волнение его, казалось, все возрастало, но после короткого раздумья он снова сел.

– Скажи мне, что я могу для тебя сделать, и я постараюсь помочь тебе! – воскликнул он.

– Войди в комнату. Посмотри на него. Не упускай ничего из виду. Поступай так, как тебе покажется, что я сам поступил бы на твоём месте, и сделай свои выводы. Все думают, что пистолетный выстрел – дело несчастного случая. Но зачем было отцу оружие в свадебном

путешествии и как мог он обращаться с ним до такой степени неосторожно? Это совсем на него не похоже.

– Ты прав, но в возбужденном состоянии всякий может быть неосторожным...

– О да, он был сильно возбужден целый день.

– Я не могу допустить ничего, кроме неосторожности. Человек с его положением, имеющий такого, как ты, сына, готовящийся ввести в дом очаровательнейшую жену! Он должен бы быть безумным...

– Или втайне глубоко несчастным.

Джек судорожно сжал ручки своего кресла.

– Твой отец был несчастлив? – прошептал он.

– Эта мысль никогда раньше не приходила мне в голову, – ответил Стенхоп. – Но разве можно знать, что происходит в сердце человека, особенно если он так близок к нам?

– С полной уверенностью, конечно, нет, – отозвался Джек, опуская глаза, – но можно составить известное заключение по некоторым признакам.

– Он сегодня очень изменился, а после венчания в особенности.

– Мне это не бросилось в глаза.

– Никто этого не заметил, но я знаю своего отца.

– И ты думаешь...

– Больше я ничего не могу тебе сказать. Если ты принесешь мне доказательства, что это был несчастный случай, я останусь тебе вечно благодарен. А пока достаточно того, что я сказал тебе. Но у меня еще есть просьба. Останься со мной, не оставляй меня, пока все не уляжется. Я чувствую себя слабым как ребенок.

Джек был, видимо, в затруднении.

– Мы не одни в доме, – проговорил он медленно. – Я видел внизу миссис Гастингс. Она чувствует ко мне нерасположение и ей, может быть, будет неприятно видеть меня здесь.

– Я совершенно забыл о миссис Гастингс. Забудь о ней и ты. Не оставляй меня одного, Джек. Мы можем совершенно не беспокоить дам.

– Хорошо, как хочешь, – сказал Джек, отвернувшись, и отпер двери, намереваясь сойти вниз. – Я думаю, что лучше мне избегать встречи и с миссис Уайт, – прибавил он неуверенным голосом и быстро оставил комнату.

Глава V

На месте происшествия

На нижнем этаже Джек нашел слугу Феликса в большом волнении.

– Судья и присяжные здесь, – сказал он, – они спрашивают мистера Стенхопа. Придется пригласить его сюда.

– Я сам пойду за ним, – отозвался Джек и снова поднялся наверх.

Он сообщил своему другу, что его присутствие при осмотре тела необходимо, и вместе с тем просил его ничего не говорить о своих подозрениях, а просто отвечать на вопросы, которые ему предложат.

Когда они вошли вместе в комнату, где вокруг постели покойного собрались присяжные, под влиянием невыразимого страдания стон вырвался из груди Стенхопа. Он горячо любил отца, и вид дорогого лица, мертвенно-недвижный, был для него невыносим. Собравшиеся в молчании ждали, пока Стенхоп не овладел собой настолько, что мог сообщить то, что было ему известно об обстоятельствах, при которых случилось несчастье.

Положение, в котором сын нашел тело отца, вид комнаты и многие другие факты так ясно говорили о роковой случайности, что присяжные немедленно высказали свое заключе-

ние. Когда они удалились, Холлистер тяжело перевел дух, пожал Стенхопу руку и воскликнул, словно освободившись от тяжести:

– Теперь самое худшее миновало! Иди в свою комнату. Я сейчас приду к тебе. Мне бы хотелось только немного поговорить с Феликсом.

Из этого разговора Джек почерпнул следующие сведения.

Тотчас после венчания молодые поехали в дом родителей новобрачной, чтобы принять поздравления родных и знакомых. Оттуда они отправились в их будущее жилище, которое Уайт хотел показать своей жене, раньше чем отправиться путешествовать на юг.

Он провел ее по всему дому до ее будуара на втором этаже, а потом пошел в свою спальню, чтобы окончить последние приготовления к путешествию.

Перед спальней была небольшая комната, которая служила Уайту, с тех пор как он овдовел, рабочим кабинетом. Посредине стоял письменный стол, как раз напротив двери в спальню. Кроме этого входа, комната имела еще две двери, одной из которых, выходящей на парадную лестницу, пользовались члены семьи. Другая, предназначенная для слуг, соединялась с черной лестницей узким коридором.

В спальне стоял совершенно готовый к отправлению сундук, и только открытый ручной саквояж показывал, что сборы еще не были вполне окончены. Подле сундука нашли расprostертым на полу тело Уайта. Феликсу, который, услышав выстрел, побежал к Стенхопу, и миссис Уайт показалось, будто ключи, висевшие у саквояжа, еще качались, словно задетые рукой его господина, когда он упал, пораженный пулей.

Присяжные вывели из этого заключение, что Уайт хотел положить в саквояж пистолет, и в это время сам собой произошел выстрел. Однако Джек думал, что, вернее, в этот роковой момент Уайт вынул оттуда пистолет. Правда, это выходило более похожим на самоубийство, тогда как в первом случае могла быть речь только о неосторожности. Вообще Джеку казалось невероятным, чтобы такой практический и опытный человек, как Уайт, мог упаковывать заряженный пистолет; он, скорее, склонен был думать, что в последнюю минуту Уайт взял оружие в руки именно для того, чтобы вынуть из него пулю в предупреждение какой-нибудь несчастной случайности. О возможности самоубийства Холлистер сам никогда бы не подумал. Только данное другу обещание побудило его проследить далее ход событий. Он отыскал Феликса, снова проверил на основании его слов все подробности происшедшего и во время разговора совершенно случайно спросил его, что сделалось с письмами, которые мистер Уайт написал перед свадьбой.

– Они уже давно на почте. Я видел, как слуга вышел с ними через черный ход, как только господу поехали в церковь.

Джек втайне надеялся, что посланный, раньше чем опустить письма в ящик, прочел адреса. Но что-то еще лежало у него на сердце, заставить себя коснуться чего ему стоило больших усилий.

– Бедная молодая женщина! – воскликнул он, вздохнув. – Как печально кончилось ее счастье!

– Правда, сударь, – подтвердил Феликс, – я никогда никого не видел в таком горе. Когда она вошла в комнату и увидела, что случилось, она громко вскрикнула и опустила как пораженная громом на колени. Но все-таки у нее достаточно силы и мужества. Как только она убедилась, что муж ее действительно скончался, она овладела собой и стала спокойнее. Этим она очень помогла нам исполнить без особых хлопот все необходимое. Она такая красивая и важная дама, мистер Уайт мог бы гордиться ею. Надо думать, она останется нашей госпожой.

Когда Джек оставил дворецкого, разные мысли приходили ему в голову. Разумеется, нельзя было с уверенностью сказать, что Уайт сам пошел навстречу смерти, но, может быть, молодая женщина знала об этом больше, чем хотела сказать? Не имела ли для нее вся эта трагедия более глубокого значения, чем предполагал свет? У алтаря это не было заметно. В ее

чертах Джек прочел только холодное спокойствие и надменность. Какой гордый вид был у нее, а ее драгоценности – кружева и бриллианты, надетые на ней, – могли бы составить целое состояние. Только после венчания, принимая поздравления, она казалась несколько взволнованной. Джеку казалось, будто он еще видит, как они оба стоят в конце зала. Все в молодой женщине было полно неизъяснимой прелести. Время от времени она украдкой бросала на своего мужа взоры, значения которых Джек не понимал. Мистер Уайт не обнаруживал ни малейшего волнения; если действительно он потом изменился, как утверждал Стенхоп, то, вероятно, какая-нибудь неприятность в области деловой или политической испортила его расположение духа. Чтобы он в ту минуту уже таил мысль о самоубийстве, это казалось Джеку совершенно невозможным. Как мог он стоять так спокойно и, по-видимому, беззаботно подле своей молодой, прелестной жены, когда в сердце его была смерть? А между тем разве не бывает спокойствия отчаяния при ужасных ударах судьбы, когда человек внешне сохраняет полное самообладание, как ни велика его душевная боль?

Джек не находил ответа на обуревавшие его сомнения. Возвращаясь к Стенхопу, он встретил в прихожей слугу, относившего утром письма на почту. Из нескольких искусно поставленных вопросов он узнал то, что хотел. Питер не прочел адресов по той простой причине, что не умел читать. Может быть, мистер Уайт имел это в виду, давая поручение отнести письма не Феликсу, а ему.

Глава VI Молодая вдова

На тревожные вопросы Стенхопа, которыми тот встретил своего друга, Джек не мог дать какого-либо утешительного ответа.

– Я не нашел ничего, что подтверждало бы твои сомнения, – сказал он, – но на меня, должно быть, заразительно подействовал твой страх, потому что я не могу отделаться от какого-то неопределенного чувства – тоски или беспокойства, я и сам не могу понять.

Стенхоп вздохнул и погрузился в печальное раздумье, из которого вывел его стук в двери.

Пришла горничная – сказать, что миссис Уайт просит молодого барина немедленно прийти к ней, так как имеет сообщить ему нечто важное.

Стенхоп спокойно ответил, что он сейчас будет к ее услугам. Но едва девушка вышла, как он взволнованно обратился к своему другу.

– Помоги мне, Джек, – сказал он умоляющим тоном, – я не знаю, что мне делать. Я не могу не исполнить ее просьбы и вместе с тем я положительно не в состоянии видеть ее, по крайней мере наедине. Пойдем со мной!

– Я? Что это тебе вздумалось? Может показаться большой навязчивостью, если я без приглашения... – Джек напрасно старался придать твердость своему голосу.

– Ты будешь сопровождать меня как мой друг.

– Невозможно!

– Но почему же?

– Очевидно, я ошибался, Стенхоп, – бледнея от волнения, воскликнул Джек. – Ведь я думал, что ты знаешь мою тайну и что это и заставляло тебя относиться с некоторой тревогой к женитьбе твоего отца. Я попытался побороть себя и помочь тебе, насколько это в моих силах, но большего я сделать не мог. Я не могу идти с тобой, потому что – должен ли я выговорить это слово? – потому что я люблю миссис Уайт, люблю давно, раньше, чем твой отец познакомился с ней.

– Ты, Джек!..

– Неужели ты действительно не подозревал этого? Этого я никак не мог предположить! Мне так плохо удавалось скрывать свои чувства... Когда твой отец явился моим соперником,

я, конечно, вынужден был отойти на второй план. Я и теперь должен был бы молчать, но это трагическое событие совершенно лишило меня самообладания, и даже ради тебя...

– Замолчи, – прервал Стенхоп, – я пойду один.

Принужденный тон и странное выражение его лица должны были обратить на себя внимание друга, но Джек был слишком занят своими мыслями.

– Ведь то, что я сейчас сказал тебе, не помешает нашей дружбе, не правда ли, Стенхоп? – воскликнул он, сильно волнуясь. – Верь мне, я никогда не забуду, что она вдова твоего отца.

Тот безмолвно протянул ему руку, избегая, однако, встречаться с ним взглядом.

– Не думай больше об этом, Джек, – торопливо сказал он. – Мы оба попали в бурное море и должны показать себя искусными пловцами.

В комнате нижнего этажа, куда вошел Стенхоп, окна были плотно завешены, только слабый блеск огня в камине боролся с этим мраком. Какой-то призрачный вид получали благодаря этому находившиеся здесь предметы искусства и богатая мебель. Эта комната, священная для него по воспоминаниям о его покойной матери, показалась ему теперь такой чуждой, словно он не видел ее никогда раньше. Вместе с тем сладкий аромат цветов, наполнявший ее, отуманил его.

– Как мне благодарить вас за то, что вы пришли? – прозвучал тихий голос. – Я не позволила бы себе побеспокоить вас, но мне необходимо предложить вам несколько вопросов, прежде чем вернется мама. Я жду ее каждую минуту.

Стенхоп подошел ближе к вдове своего отца. Она полулежала на подушках дивана, и ее фигура неясно вырисовывалась в полумраке.

– Как здесь темно, – сказал он, – не приказать ли зажечь газ?

– О, ради бога, не надо света! – воскликнула она с испугом. – Я не в состоянии буду его вынести. Мне хотелось бы, чтобы темная ночь укрыла меня.

– Сударыня, – голос его зазвучал так жестко и холодно, что он сам испугался и продолжал более мягким тоном, – вы желали о чем-то меня спросить, вероятно, о чем-нибудь, касающемся похорон. Прошу вас высказать, чего бы вы желали, и я постараюсь по мере сил это исполнить.

Он услышал легкий шелест ее платья, но она ничего не ответила.

– Я понимаю, что вам нелегко найти слова, – начал он снова, – мы понесли такую внезапную, такую тяжелую утрату...

Вдруг он в испуге остановился. Она быстро поднялась с дивана и подошла к нему.

– Зажгите газ, – попросила она, – я хочу посмотреть на ваше лицо. В вашем голосе звучит что-то чуждое и странное... Или вам тоже пришла мысль, что он как-нибудь узнал...

– Тише, ни слова дальше! – воскликнул Стенхоп, быть может, более суровым тоном, чем желал. – Не будем высказывать громко наших опасений и сомнений. Присяжные признали, что это был несчастный случай. Сохрани бог... – У него перехватило дух от волнения.

– О, если бы это был только несчастный случай! – прерывистым голосом произнесла она. – Вы должны знать, что мучит меня, я не могу больше выносить этого ужаса. Какая-то перемена произошла с ним во время венчания, и таким же он остался во время поздравлений и нашего пребывания здесь, в доме. Как он ни старался казаться по отношению ко мне любезным, внимательным и заботливым, ему не удалось ввести меня в заблуждение хотя бы на одну минуту. Но как могла я думать, что он...

– Постойте, – прервал он, – этот момент ужасен и без искусственного мрака.

Когда он зажег газ, молодая женщина, как бы ослепленная светом, опустила голову.

– Как это ужасно, – едва внятно проговорила она, – быть свободной и в то же время не иметь никаких надежд в будущем.

Он хотел высказать ей свое сочувствие, но словно какая-то таинственная сила принудила его молчать. Она была так хороша в своем горе, которое придало ее обыкновенно гордым чертам выражение женственной кротости и, казалось, сделало ее боязливой и неуверенной в себе.

Поверх своего дорогого дорожного костюма она набросила длинную черную шаль, что еще более подчеркивало красоту ее бледного лица, обрамленного пепельно-белокурыми локонами.

– Вы должны были бы молчать о ваших опасениях, – медленно и с усилием сказал он. – Для них нет причины, а наши разговоры только растрavляют наши сердечные раны.

– Но я не могу молчать и таить ужас в глубине души. Поговорите со мной, Стенхоп, не оставляйте меня одну с моим страхом и с моим раскаянием. Вы одни только можете помочь мне, никто другой не поймет меня.

Он отрицательно покачал головой.

– Ах, вы не хотите моей откровенности, не хотите меня выслушать! Значит вы уверены, что он узнал мою тайну, которую я скрыла бы от него навсегда, и что это привело его к самоубийству в самый день свадьбы, почти у самого алтаря?

– Я знаю только одно, – возразил он. – Жестокая судьба лишила меня отца, а вас мужа. Не будем пытаться приподнимать покров над этой тайной, так как, что бы мы ни открыли, это только увеличило бы еще нашу скорбь.

Молодая женщина в отчаянии ломала свои белые руки.

– Так это правда, правда! – со стоном повторяла она. – Вечно будет звучать в моих ушах этот выстрел, никогда не изгладится из моего воспоминания вид крови...

Глубокие складки обозначились на лбу Стенхопа. В первый раз взглянул он на нее испытующим взором.

– Быть может, вы правы, – сказал он, – попытка накинуть покров на прошлое и искать утешение в обмане будет напрасной. Мы оба не найдем покоя, пока на сердце у нас останется ужасное сомнение. Будем надеяться, что нам удастся побороть его, если мы пойдем смело ему навстречу. Конечно, для этого нужно мужество, но ведь вы им владеете, не правда ли?

Она наклонила голову в знак согласия, но ее опущенный взор и робкие движения говорили об обратном.

– Вы говорите, что мой отец и вам показался сегодня изменившимся, – продолжал Стенхоп взволнованным, но не враждебным голосом, – а вчера он был таким, как всегда?

– Да, – тихо и почти смиренно прошептали ее гордые губы.

– И за завтраком сегодня утром я не заметил ничего необыкновенного, – подтвердил он. – Но, когда мы в половине двенадцатого поехали в церковь, с ним уже произошла какая-то перемена – я понял это только впоследствии. Что же могло произойти в этот промежуток времени? Может быть, от вас он получил какое-нибудь известие?

– Нет, о чем мне было писать ему? Я знала от вас...

Она остановилась. Что же помешало ей говорить дальше? Собственное ли сердце или холодный вид Стенхопа?

– Я хотела быть ему верной женой, – прерывающимся голосом продолжала она. – Покидая родительский дом, я дала себе клятву, что с этого времени только ему будут принадлежать все мои мысли, все мои мечты. С чистым сердцем шла я рядом с ним, но он был холоден как камень и так погружен в свои думы, что не слышал даже вопроса священника, желает ли он взять меня в жены... он ничего на это не ответил. Никто не обратил на это внимания, и обряд продолжался. Но у меня осталось чувство, что я не повенчана с ним, хотя и должна теперь носить его имя.

Последние слова она прошептала едва слышно.

Если она надеялась, что хотя бы взглядом Стенхоп выразит участие к ее сердечной муке, то ожидания ее не оправдались.

Стенхоп вспоминал теперь только о собственных чувствах в церкви в тот момент, когда новобрачные отошли от алтаря и взгляд отца перешел от жены на него, его сына. В этом взгляде было столько разочарования и отчаяния, что Стенхоп забыл все и едва мог справиться со своим

волнением. Воспоминание о том, что могло быть причиной скорби отца, отравляло его сердце. Неужели отец считал его способным на нечестный поступок по отношению к нему?

В то же время в голове молодой вдовы проносились картины, которые не должны были бы в этот печальный день возникать в ее памяти. Не образ умершего мужа вспоминался ей, а юное лицо сына в тот момент, когда она в первый раз увидела его. С этого времени все сразу изменилось для нее; брак, на который она дала свое согласие, стал преступлением, но отступить было уже поздно. И теперь она с тоской смотрела на молодого человека, сознательно или бессознательно бывшего причиной мучительной борьбы, которую ей пришлось пережить. Она думала о своей страсти, о своем позоре, о напрасном старании противостоять властному чувству, которое влекло ее к нему. Наконец все отошло на задний план, осталось только одно воспоминание. Это случилось всего двадцать четыре часа назад, но ей казалось, что с тех пор прошла целая вечность. На одно мгновение они остались вдвоем – и вот тоска и страдание взяли верх над рассудком. Ее принудили к этому браку, и она захотела узнать, решена ли ее судьба безвозвратно. Она не призналась ему в своей любви – о нет! – а только спросила, должна ли она сдержать обещание, данное его отцу, и вступить в союз, к которому не чувствовала сердечного влечения. Когда, пораженный, он не нашел слов для ответа, она стала молить его сказать, что ей делать, потому что сама она совершенно не в силах обсудить свое положение. Пусть он решит ее судьбу, она подчинится его решению. И он сделал это, он сказал, что ее обязанность сдержать слово и дать счастье будущему мужу. Послушание ее повлекло за собой роковые последствия – муж умер, а перед ней стоял этот человек с каменным сердцем, стараясь отнестись к ней терпеливо и не показать своей ненависти. Бледная как полотно она смотрела на него.

– Неужели ваш отец слышал наш разговор?

Стенхоп вздрогнул, но тотчас же оправился.

– Нет, – сказал он, – несколько мгновений спустя мы отправились вместе на прогулку. Он был бодр, весел, с гордостью и нежностью говорил о вас и верил в свое будущее счастье.

На лице ее отразилось страдание, но в то же время у нее явилась новая надежда.

– Так мы, может быть, ошибаемся! Наши опасения преувеличены. Выстрел произошел случайно, и мы должны только оплакивать нашу утрату.

Она смотрела на него с таким боязливым ожиданием, что у него не хватило мужества противоречить ей.

– Верьте этому, – сказал он, – и пусть это послужит вам утешением.

– О да! – воскликнула она решительно. – Я поверю, что на меня не падает ответственность за несчастье. Иначе я не смогу жить.

Он замолчал и посмотрел на дверь. Губы ее дрогнули, когда она это увидела.

– Я уже наскучила вам своими жалобами, – прошептала она. – Скоро должна прийти моя мать, и вы торопитесь уйти. С моей стороны было глупо добиваться этого разговора. Я не имела права беспокоить вас в вашем горе.

– Не говорите так! – воскликнул он, овладев собой. – Я счастлив, если могу чем-нибудь быть вам полезен, и рад случаю выразить вам, как я вас уважаю. Мы теперь члены одной семьи. Я скоро оставлю этот дом, но надеюсь, что вы будете смотреть на него как на ваш собственный.

– Да, – с горечью ответила она, – здесь мой дом. Ради этой роскоши я вышла замуж и должна, по крайней мере, воспользоваться ею.

– Думайте лучше о том, что это положение дано вам покойным мужем, который горячо любил вас, – ответил строго и с достоинством Стенхоп.

– О, как вы великодушны, как благородны! – воскликнула она, заливаясь слезами. – Вернее, я буду делать все, что могу, чтобы заслужить уважение, каким должна пользоваться от всех вдова вашего отца.

Он вышел с почтительным поклоном.

Когда дверь за ним затворилась, она почувствовала, что между ними как бы выросла какая-то стена.

Глава VII Два пакета

Джек Холлистер нетерпеливо ждал возвращения Стенхопа, у него было что рассказать ему.

– Я обдумал все основательно, пока тебя не было, – начал он, когда друг его вошел в комнату. – Ты должен выслушать мою исповедь до конца, чтобы между нами не оставалось никаких недоразумений. Претендентом на руку Флоры... то есть миссис Уайт, я не выступал никогда, и она не оказывала мне особенного внимания, но я полюбил ее с того дня, когда два года тому назад встретил ее в первый раз на благотворительном балу. Я с радостью отдал бы свою веселую холостую жизнь, скаковых лошадей, яхту, чтобы устроиться с нею вместе в тихом, скромном гнездышке! Но это не отвечало ее вкусам. В сравнении с твоим отцом мои шансы были, конечно, ничтожны. Не знаю, приходило ли ей когда-нибудь в голову, что внешние преимущества не могут вознаградить за разницу в возрасте, но в последнее время, мне казалось, нечто подобное было. Ее помолвка меня ужасно поразила, а сегодняшнее трагическое происшествие окончательно заставило потерять самообладание. Если на любимой тобой девушке женится кто-нибудь другой, в особенности друг, и умирает тотчас после свадьбы, то чувствуешь себя словно его убийцей. Теперь я страшно сожалею и стыжусь своей глупости и ревности, но еще недавно, когда мы все сидели за столом, я желал, чтобы громовой удар разрушил дом и похоронил нас всех под его развалинами.

– Джек!..

– Я должен быть с тобой вполне откровенным, Стенхоп, иначе я никогда не буду в состоянии смотреть тебе прямо в глаза. Я страстно хотел бы теперь пойти к ней, утешить ее, быть для нее всем в жизни, но если бы в моей воле было предупредить несчастье и видеть его снова среди нас полным надежд и горячей любви к ней, каким он был только вчера, я все сделал бы для этого. Верить ты мне?

– Да-да, – рассеянно пробормотал Стенхоп, расхаживая взад и вперед по комнате. Он думал о том, в каком сложном и запутанном положении они очутились.

– Ты еще не знаешь любви и мук ревности, – продолжал с живостью Джек. – Но если ты когда-нибудь полюбишь, ты поймешь, до какого безрассудства они могут довести человека, даже когда он не встречает сочувствия, и, может быть, простишь меня, Стенхоп!

– Я не порицаю тебя, – был спокойный ответ Стенхопа, – ты всегда останешься добрым по натуре, хотя порывы страсти и могут довести тебя до озлобления.

– Значит, все между нами будет по-прежнему! – с видимым облегчением воскликнул Джек.

И они расстались, горячо пожав друг другу руки.

В то время, когда происходил этот разговор, миссис Гастингс старалась развлечь свою овдовевшую дочь. Эта дама была из тех крикливых, важничающих особ, которые, войдя в дом, совершенно овладевают им. Мир и покой были немыслимы в ее присутствии, даже горем и страданием она рисовалась до такой степени, что они утрачивали свой возвышающий душу характер. Для Стенхопа ее пребывание в доме было невыносимо, и он весь вечер оставался в своей комнате. Только на следующее утро, когда она уехала заказывать траурные наряды своей дочери, он пошел вниз, в рабочий кабинет своего отца. В его душе все еще таились неопределенные сомнения. Ему хотелось прежде всего выяснить, какие события могли произойти в короткий промежуток времени перед самым венчанием, настолько значительные, чтобы заста-

вить такого жизнерадостного человека, как его отец, впасть в отчаяние. Поэтому он велел позвать к себе Феликса и Питера, которые оба давно служили в доме и были преданны семье.

– Вчера отцу должны были прислать письма, Феликс, требующие ответа, – обратился он к старому слуге, – но я не нахожу их ни на письменном столе, ни в кармане его сюртука. Вы принимали вчера почту?

– Конечно, я принес письма, когда вы завтракали. Вы стояли у окна, если вы припомните, когда хозяин читал их.

– Это не те, о которых я говорю, – возразил Стенхоп. Он видел, как отец со спокойным видом, без малейшего волнения отложил их в сторону.

– Со второй почтой пришли только газеты, – уверял Питер, – и я их положил на обычное место. Вот они, кажется... – Он указал на стол, где лежало много журналов и газет.

Стенхоп не ограничился этими расспросами.

– Не приходил ли к отцу какой-нибудь посетитель или посланный с письмом? Я убежден, что перед тем, как поехать в церковь, отец получил важное письмо, которое должно найтись.

Слуги посмотрели друг на друга.

– Мы ничего не знаем об этом, – повторил еще раз Феликс.

– Мистер Уайт написал несколько писем, когда ждал карету, – помедлив минуту, сказал Питер, словно неуверенный в том, что эти сведения пригодятся молодому хозяину. – Он передал их мне для отправки...

– Да-да, знаю, – перебил Стенхоп, – я не о них говорю. Где Жозефина? Быть может, она впускала кого-нибудь, когда вы были заняты?

Позвали горничную и спросили ее, не относил ли она писем и не впускала ли кого-нибудь в рабочий кабинет.

– Нет, – сказала Жозефина, сильно покраснев, потому что боялась молодого, красивого господина. – Правда, кто-то приходил, но он не поднимался наверх. Мистер Уайт не знал этого человека и сказал, что сегодня не может никого принять.

– А он назвал себя?

– Да, но я забыла его имя. Что-то вроде Стюарта, только немного иначе. В руках у него был небольшой пакет.

– Он его оставил?

– Нет, не думаю. Когда я сошла вниз, его уже не было. Вероятно, ему кто-нибудь сказал, что сегодня день свадьбы мистера Уайта.

Феликс и Питер покачали головой. Они не видели приходившего и ничего не слышали о нем.

– Я оставила его в передней, – робко продолжала Жозефина, – быть может, это было нехорошо, но он казался вполне приличным человеком.

Хотя Стенхоп не думал, чтобы этот случай мог иметь какое-нибудь значение, но все-таки хотел основательно разобраться в нем. Поэтому он спросил, в какое время приходил незнакомец. Девушка ответила, что вскоре после десяти часов. Вслед за этим мистер Уайт послал ее в отель «Вестминстер», чтобы передать небольшой пакет. Тогда, вероятно, было половина одиннадцатого. Стенхопу показалось странным, что человек, желавший говорить с мистером Уайтом, принес пакет и что полчаса спустя отец послал прислугу с пакетом же в отель. Может быть, пакет был тот же самый, который видела горничная у посетителя? Он не мог удержаться, чтобы не спросить ее об этом.

Жозефина посмотрела на него широко открытыми глазами. Вероятно, молодой хозяин не расслышал, как она говорила, что незнакомец унес пакет с собой. Но она ничем не выразила своего удивления, а только ответила, что это были совершенно разные пакеты: тот, который она относил, – маленький, завернутый в белую бумагу, а другой, находившейся в руках посетителя, – коричневый и большого размера. Стенхоп мысленно выбралил себя дураком; он

решил больше ни о чем не спрашивать и отпустил слуг. Но его все больше и больше занимала мысль, что послал его отец в отель и с каким намерением мог приходиться человек с коричневым пакетом. Вдруг он вскочил, пораженный. Как раз сверху в корзине для бумаг, около стола, за которым он сидел, виднелся зеленый шнурок с разрезанным узлом и коричневая оберточная бумага; она еще сохранила форму ящика, который был в нее завернут. Под ней он нашел письма, полученные отцом во время завтрака. Он рассмотрел внимательно коричневую бумагу. Надпись гласила: «Мистеру Уайту»; дальше была приписка: «Вскрыть собственноручно». Это придавало посылке особенную важность. Пораженный своим открытием, он уже собирался позвать Жозефину, чтобы спросить у нее дальнейших разъяснений, как легкий стук в дверь помешал ему привести свое намерение в исполнение. Вошла Флора Уайт, молодая вдова, в руках у нее был завернутый в белую бумагу пакет.

Глава VIII Белый пакет

Дрожа, положила она его на стол.

– Это сейчас переслал мне владелец отеля «Вестминстер». На верхней обложке написан его адрес, но под ним... Посмотрите, Стенхоп!

Когда была снята верхняя бумага, он увидел хорошо знакомый почерк отца.

Надпись гласила: «Супруге Сэмюэла Уайта. Отель «Вестминстер».

– Это он послал мне туда незадолго до свадьбы, в тот час, когда с ним произошла такая сильная перемена. У меня не хватает духа вскрыть этот пакет.

– Разве вы не собирались ехать на юг, а хотели остаться в «Вестминстере»?

– Только на время, необходимое для отдыха.

Лицо Стенхопа прояснилось.

– Так он, посылая это, рассчитывал сам приехать туда. Может быть, это окончательно разрешит наши сомнения. Раскройте ящичек, покончите с неизвестностью.

– Я не могу, – с ужасом отступила она, – для меня это так же страшно, как дотронуться до мертвеца. Откройте его за меня, у меня нет силы.

Без возражения он взял ящичек и снял с него обертку. Под ней был маленький бархатный футляр с потертыми углами. Стенхоп вскрикнул от изумления и покраснел.

– Я знаю этот футляр, – сказал он тихо, – в нем моя мать хранила свои драгоценности.

Он нажал пружину, крышка отскочила – в футляре лежала брошь и пара серег в старомодной оправе. Это был тот самый убор, который Стенхоп помнил еще с детства.

– Зачем он прислал мне это? – проговорила взволнованная и пораженная молодая женщина. – Он мне подарил уже много драгоценных камней и бриллиантовый убор к свадьбе. Быть может, он этим хотел сказать...

– Прочтите, что это значит, – прервал Стенхоп и протянул ей записку, взятую из ящика.

В ней было немного строк, которые Флора быстро пробежала. Когда после того она протянула ему листок, он увидел слезы, дрожавшие на ее ресницах.

– Я была не достойна стать его женой, – прошептала она, тронутая. – Посмотрите, здесь, мне кажется, ясное доказательство, что причиной его смерти была несчастная случайность.

Записка содержала следующие слова:

«Моя горячо любимая Флора!

Эти драгоценные камни, которые носила мать Стенхопа, приношу я тебе в дар в день нашей свадьбы не потому, что они красивы или очень ценны, но как величайшее доказательство моего уважения и поклонения тебе. Тебя я избрал занять в моем сердце место, принадлежавшее до сих пор подруге моей юности. Я желал бы, чтобы ты раз в год в этот день надевала

их в знак того, что ты понимаешь чувства, побуждающие меня предложить тебе самый дорогой подарок, какой только я могу сделать».

– Какая большая тяжесть снята теперь с моего сердца, – прошептала после короткого молчания Флора, – теперь я могу плакать. Но все-таки это была странная мысль прислать мне убор, который я теперь к тому же не могу надеть. Возьмите его, – быстро прибавила она, увидев, что Стенхоп еще раз поднял крышку, чтобы взглянуть на украшения, вид которых пробуждал в нем столько воспоминаний. – Эти камни по праву принадлежат вам и у вас лучше всего сохранятся.

– Благодарю вас, – ответил он и спрятал ящичек в карман. – Память о моей матери для меня дорога и священна.

Глаза Флоры наполнились слезами.

– Теперь вы будете счастливее? – спросила она серьезно.

– Надеюсь. Письмо, которое вы были добры показать мне, должно служить доказательством, что я заблуждался как относительно душевного состояния моего отца, так и причины этого неожиданного несчастья. Нет, он видел впереди не смерть, а жизнь – жизнь с вами.

Она тяжело вздохнула.

– До похорон мы вряд ли еще увидимся. Прощайте!

Глава IX Коричневый пакет

Недолго оставался Стенхоп наедине с своими мыслями.

– Мистер Холлистер желает говорить с вами, – доложил вошедший слуга.

Джек был в лихорадочном волнении, но ему тотчас же бросилась в глаза благоприятная перемена, происшедшая с его другом.

– Ты выглядишь так, словно убедился в неосновательности своих опасений! – воскликнул он радостно.

– Мое страдание сделалось спокойнее, и теперь я могу горевать о потере отца, не думая, что он покинул нас в порыве отчаяния, – прозвучал ответ Стенхопа.

– В таком случае мне не так трудно исполнить мою обязанность и передать тебе это письмо, – отозвался Джек, вынимая из кармана бумагу. – Адресат одного из писем, отправленных вчера твоим отцом на почту, нашелся: оно было послано на мое имя, и в нем вложено письмо для тебя. Но, ради бога, Стенхоп, что ты, что с тобой? – продолжал он испуганно, видя, что его друг, распечатав конверт, страшно побледнел и безумными глазами смотрит на строчки, заключавшиеся в письме.

– Я не понимаю... что это может значить... – прерывающимся голосом в замешательстве произнес Стенхоп.

Джек боялся нового несчастья. Он взял у него записку из рук и прочел:

– «Мое неперемное требование, мое величайшее и настоятельнейшее желание, чтобы ты – если вообще ты женишься – женился на девушке по имени Натали Уэлвертон. Она дочь Стивена Уэлвертона, о котором ты, вероятно, услышишь вскоре после моей смерти. Не старайся узнать, почему я от тебя этого требую. Уже одно то, что я требую именно этого брака и запрещаю тебе всякий другой, пусть будет тебе доказательством, что и твое счастье, и честь нашего имени зависят от этого союза. Любящий тебя отец Сэмюел Уайт».

– Натали Уэлвертон? Это кто же такая? – раздалось изумленное восклицание Джека.

– Я не знаю, имя мне совершенно неизвестно, – как отуманенный, пробормотал Стенхоп. – О, если бы я никогда не видал этих строк! Почему я должен жениться на совершенно неизвестной мне девушке? О чем я не должен стараться узнать? Что это все значит? Право, мое несчастье и раньше было достаточно велико.

Джеку такое насильственное вмешательство в право мужчины самому выбрать себе жену показалось неслыханным. Он совершенно откровенно высказал свое мнение по этому поводу и кончил словами:

– Никакой закон не может тебя заставить вступить в этот брак. Я, со своей стороны, по крайней мере, хотел бы удостовериться, отвечает ли эта Натали Уэлвертон всем требованиям, которые я предъявляю моей будущей жене.

– Я никогда не женюсь на девушке, которую зовут Натали, – твердо заявил Стенхоп.

Джек взглянул на него удивленно.

– Это звучит так, будто сердце твое уже не свободно.

Тот горько усмехнулся.

– А если бы и так?

Джек обладал достаточной чуткостью, чтобы понять, что теперь не время вызывать друга на откровенность; он поборол в себе желание знать больше и замолчал.

– Еще одно слово, – воскликнули Стенхоп после некоторого молчания, очнувшись от грустного раздумья. – Что было в твоём письме, Джек?

– Только то, что он отправляется в путешествие, во время которого возможна какая-нибудь несчастная случайность. Он просил меня в случае его смерти передать тебе приложенную записку. Как надо было поступить с ней, если бы все обошлось благополучно, он не упомянул, и это немножко странно, если хорошенько подумать.

– Позабудь об этом, – отозвался побледневший Стенхоп. – Я буду стараться нести свой крест; но больше ни слова об этом, Джек, если ты меня любишь.

Много вопросов и сомнений терзали душу Стенхопа, когда он остался один. Его отец предвидел, что его не будет уже в живых, когда Джек получит письмо. И если это было не предчувствием, а он поступил с заранее обдуманном ужасным намерением, то последнее могло явиться только следствием рокового открытия, что сердце молодой жены не принадлежало ему. Что же, кроме ревности, неосновательной ревности к родному сыну, могло быть побудительной причиной для того странного приказания, какое он получил после смерти отца?

Не был ли этот загадочный брак, который он ему указывал, только предлогом, чтобы совершенно удержать его от женитьбы?

То обстоятельство, что свадьба состоялась и что, прощаясь, мистер Уайт обратился к жене со словами доверия и любовной нежности, – еще более укрепило Стенхопа в его предположениях. Он знал рыцарский характер своего отца, знал, что тот никогда не позволил бы себе бросить хотя бы малейшую тень на честь и доброе имя женщины. Если бы он даже думал, что действительно имеет повод к ревности, он никогда не отомстил бы неверной. Единственное удовлетворение, которого он желал, состояло в том, что он постарался устранить возможность их дальнейшего сближения.

Ужасные подозрения! Стенхоп дрожал от стыда и боли при одной мысли о том, сколько нужно было бесконечного отчаяния и оскорбленного чувства, чтобы заставить отца написать эти строки. Ведь отец любил его и не мог бы так деспотически разрушить счастье сына, на которого возлагал такие надежды, если бы гнев и чувство обиды не затемнили его рассудок. Рана, нанесенная сыну, была гораздо глубже и больнее, чем он мог думать. У Стенхопа не пробудилось даже любопытства узнать, кто такая была эта Натали Уэлвертон. Он не думал и о том, существует ли она на свете, для него это было только имя. По его воззрениям, завещание отца исключало для него всякую возможность семейного счастья, для которого он, казалось, был создан не только благодаря своей любви к тихой домашней жизни, но и всем духовным и нравственным качествам.

Чтобы отделаться от этих мучительных мыслей, он стал снова перебирать в уме все обстоятельства, сопровождавшие смерть его отца.

Он был убежден, что пакет, на котором стояли слова: «Вскрыть собственноручно», заключал именно пистолет, которым отец убил себя. Очевидно, отец желал облечь свою смерть тайной и уничтожить всякую возможность заподозрить самоубийство. Но Стенхоп хотел иметь в этом полную уверенность; он искал футляр от пистолета во всех ящиках и шкафах и нашел наконец его на верхней полке книжного шкафа. То, что он подозревал, подтвердилось: футляр как раз подходил к складкам коричневой обертки, найденной им вместе с зеленым шнурком в корзине для бумаг. Ящик был новый, и на дне находился адрес фирмы, где он был куплен.

Таким образом, содержимое коричневого пакета перестало быть тайной, оставалось только непонятным, как и через кого могло оно попасть в руки Уайта.

Глава X Перемена чувств

– Это была пышная похоронная процессия. Флора может гордиться тем, что она вдова человека, которого провожали до могилы столько знатных особ.

Так говорила тоном удовлетворенного тщеславия миссис Гастингс, выходя из дома покойного зятя. Стенхоп, который как раз в эту минуту спустился из своей комнаты в верхнем этаже, с болью и негодованием услышал эти слова. Если мать так легкомысленна, то чего же можно ожидать от дочери?

Он не видел еще после похорон прекрасную вдову, но считал своей обязанностью сообщить ей о своих планах на будущее. Вечером он приказал Феликсу доложить миссис Уайт, что он желал бы поговорить с ней.

Она стояла посреди ярко освещенной комнаты. Ее стройная фигура в плотно облегающем стан черном платье резко выделялась на бледно-желтом фоне мебели и обоев. Осанка ее была полна достоинства, она гордо подняла свою прекрасную голову, но глаза ее выражали трогательную мольбу, и губы дрожали.

– Как это мило с вашей стороны, что вы навестили меня, – сказала она, и голос ее звучал так ласково, что не одно мужское сердце дрогнуло бы при таком приветствии.

Но Стенхоп почти не обратил на это внимания. Он думал только о том, какие выражения будут наиболее подходящими для того, что он собирался сказать. Он даже не видел нерешительно протянутой ему руки.

– Я пришел, – начал он, не замечая пробежавшей по ее лицу тени, – чтобы проститься с вами. Завтра утром я думаю уехать из города.

– Не слишком ли это скоро? – возразила она, стараясь скрыть свое волнение. – Я думала, что вы останетесь еще на некоторое время, чтобы, по крайней мере, привести в порядок дела вашего отца.

– Я уеду не надолго, – медленно произнес он, – и быть может, уже через несколько дней вернусь обратно.

Хотя он и не высказал прямо, что ему хочется уехать для того, чтобы не встречаться с ней, но ей показалось, что она угадала его намерение.

– Вы, вероятно, были бы довольны, если бы по возвращении нашли дом пустым, чтобы вы могли устроиться сообразно вашим вкусам.

– О нет, – поспешил возразить он. – Ведь это ваш дом. Как я вам уже говорил, он будет составлять часть наследства, принадлежащего вам по праву как вдове моего отца.

– А если я откажусь от него, – ее голос задрожал, – если я откажусь от всего, – каким холодным и недоступным казался он ей, – тогда вы вернете мне ваше уважение, тогда вы будете меня...

– Вы придаете моему мнению слишком большое значение, – прервал он ее, чтобы избежать нелюбезного ответа. – Я вас убедительно прошу не руководствоваться в своих поступках

соображениями о том, как я на них посмотрю и что о них подумаю. Ваше положение вдовы моего отца ставит вас совершенно в такое положение, что я не считаю себя вправе выражать вам как одобрение, так и порицание.

Она не могла дольше скрывать своего страдания.

– Вы не считаете себя вправе выразить мне ваше участие, сочувствие, вашу любовь, наконец? Вы это хотите сказать?!

Слово было сказано и произвело неизгладимое впечатление – оба замолчали. Но потом оба вздохнули свободнее: она – потому что ей доставила облегчение возможность дать исход чувству, так долго таившемуся у нее в груди, он – потому что это давало ему повод приступить к объяснению.

– А если бы даже и так, – ответил он с видимым равнодушием, – то для нас это лучший исход. Я могу себе позволить питать нежные чувства только к своим родственникам и друзьям. Для меня не должно существовать больше счастья любви. В этой области я не имею права располагать своей судьбой.

Она посмотрела на него широко открытыми, испуганными глазами; в первый раз он почувствовал, что его тронула ее красота. Как смягчить удар, который должен был поразить ее? Как объяснить ей все, не оскорбив ее до глубины души?

С мрачным видом он вынул письмо своего отца и протянул ей.

– Что это? – воскликнула она. – Неужели новое несчастье?..

– Я не знаю, из каких ложных предположений исходил мой отец, – ответил он. – Это его последняя воля, выраженная им, как мы наверняка знаем, всего за несколько часов до смерти.

Она стала читать, бумага дрожала в ее руках, щеки побледнели, блеск глаз выдавал ее возбужденное состояние.

– Кто эта Натали Уэлвертон? – воскликнула она.

– Не знаю и никогда не слыхал ее имени раньше.

– Чужая, незнакомая, – с выражением бесконечного удивления произнесла она. Ее проницательный взгляд хотел, казалось, прочесть в глубине его души. – Но ведь это неслыханная тирания, – прибавила она тихо и с возмущением. – Не можете же вы считать себя обязанным выполнить это странное требование? Это было бы жестоко. Сам отец освободил бы вас от этого.

Лицо его было строго и холодно.

– Я никогда не поступлю против воли отца. Иначе я не могу ни сам быть счастливым, ни дать кому-либо счастье. Моя будущая судьба решена, не пытайтесь ее изменить.

Она посмотрела на него и поняла, что решение его непоколебимо. Последние слова ее покойного мужа были приговором как для Стенхопа, так и для нее.

Неужели он никогда не любил ее, неужели она заблуждалась, когда думала, что он разделял ее чувство? Какой дурной и достойной презрения должна была она тогда казаться в его глазах! Нет, нет, это было невозможно, она не могла бы так ошибиться. Наверняка он питал к ней нежные чувства, иначе ей ничего не оставалось как умереть от стыда и раскаяния. Но на его лице она не могла прочесть того, что ей хотелось. Правда, оно ясно отражало душевные муки и отчаяние, но не она являлась их причиной; казалось, между ними была пропасть. Другое горе наполняло его душу, у него были иные утраты и разочарования, о которых она не знала. Вдруг как молния блеснула в уме ее мысль; через минуту эта мысль обратилась в уверенность и произвела в ней глубокую перемену. Несмотря на свое легкомыслие, светское воспитание и своенравный характер, Флора обладала чисто женственной натурой; она умела забывать эгоистические желания из участия к судьбе друга, она не остановилась бы перед тем, чтобы больше дать другому, чем получить взамен. Она приблизилась к Стенхопу с письмом в руке и, когда он, выйдя из задумчивости, взял его, сказала кротко, но твердо:

– Я сделала большую ошибку, теперь я это ясно вижу. Меня глубоко огорчает, что последствия этой ошибки пали на вас. Я не совсем эгоистка и охотно пожертвовала бы жизнью, чтобы

избавить вас от незаслуженного страдания. Но довольно слов. Вы никогда не простите мне моего безумия, и я никогда не забуду своего стыда. Воспоминание о нем и теперь заставляет меня краснеть. Я хотела бы доказать вам, Стенхоп, что я теперь понимаю в настоящем свете наши отношения. Я прошу у вас дружбы, я прошу только позволения принять участие в вашей судьбе. На это, несмотря на мою молодость, дает мне право наше родство. Мое сочувствие вашему горю научит меня...

Он увидел на глазах ее слезы и смягчился.

– Как вы добры! – горячо воскликнул он.

Она покачала головой.

– О нет, до сих пор я жила суетной, светской жизнью, но я хотела бы быть доброй. Если вы доверчиво отнесетесь ко мне, это будет мне лучшей помощью. Скажите, я знаю эту девушку?

Голос ее звучал мягко, но он испуганно отшатнулся.

– О ком вы говорите?

– О девушке, которую вы любите.

Он взглянул на нее удивленно, почти гневно, но она, зайдя так далеко, решила уже не отступать.

– Вы любите, иначе ваше горе не было бы так сильно, так безмерно. Не любопытство заставляет меня спрашивать вас об этом, а желание дать вам высказаться и тем облегчить сердце, снять с него невыносимую тяжесть. Если у вас есть кто-нибудь другой, перед кем вам легче высказаться, тогда... – Ее страдальческая улыбка заставила сжаться его сердце.

Большими шагами ходил он взад и вперед по комнате и наконец остановился перед ней.

– Я люблю всем сердцем одну молодую девушку, – сказал он, по-видимому, спокойно. – Я любил ее еще до моего путешествия в Европу.

Она поняла, что он хотел этим сказать, и густая краска залила ее щеки и лоб. Тогда они еще не были знакомы.

– Вы никогда не говорили об этом, – прошептала она.

– Нет, о мечте не говорят.

– Так это была только мечта?

– Мечта могла бы сделаться действительностью, если бы не стояло на пути вот это.

Он указал на письмо своего отца.

– Расскажите мне все...

Он подвел ее к дивану, но сам не сел. Возможно ли? Он будет говорить о ней и с этой женщиной? Он не понимал себя и вместе с тем, глядя в серьезные, внушающие доверие глаза молодой вдовы, находил вполне естественным то, что он исполняет ее просьбу.

– Я встретился с нею год назад за городом. Вы ее не знаете, ее не зовут Натали Уэлвертон.

– Она молода и хороша?

– Еще очень молода. Белокурая, нежная, как снежинка...

– Только не такая холодная, – отозвалась Флора, бросив взгляд на красивого темноволосого молодого человека, так мало ценившего ее красоту.

– Она влекла меня к себе своей женственной прелестью, но совершенно бессознательно, – продолжал Стенхоп после некоторой паузы, – потому что она еще дитя. И все же с первого взгляда она покорила мое сердце.

– Счастливого дитя, – вздохнула про себя Флора.

– Это было во время моего пребывания в Байридже, где я посвятил в тишине несколько недель научным занятиям. Я увидел ее на тропинке под большим деревом, на руке у нее была ручная птичка, черные перья которой представляли удивительный контраст с ее светлой фигурой в простом белом платье. Вскоре я ничего больше не видел, кроме ее милого лица с трогательным выражением, неизгладимо запечатлевшимся в моей памяти. Она была бы путеводной звездой моей жизни, я предложил бы ей руку и сердце, но...

Стенхоп говорил с возрастающим волнением и вдруг остановился.

– Что помешало вам?

– Ее юность. Ей было едва семнадцать лет. Как мог я воспользоваться ее неопытностью?

Флора посмотрела на него изумленно. Разве он не был сыном видного государственного деятеля, разве не мог он положить к ногам любимой девушки все блага мира? Разве не знал он своих личных достоинств? Если бы она была даже дочерью лучшего и богатейшего из граждан – его предложение могло бы сделать ей только честь.

– Для тех, кого мы любим, мы хотим не чести, а счастья, – серьезно возразил Стенхоп.

Какая страстная нежность была в его тоне, в выражении его лица. Ни одна девушка, которую бы он полюбил, не могла остаться к нему равнодушной.

– Она живет все еще там же – есть у нее отец, мать?

– Я не знаю, но скоро должен узнать это. Ее воспитательница, в пансионе которой она была, обещала указать мне ее адрес, когда ей исполнится восемнадцать лет. Это будет в ноябре, я знаю даже число, но теперь я не смею приближаться к ней. Все надежды для меня погибли, но мечта о ней вечно будет жить в моем сердце.

– А она будет вспоминать вас? Вы грустите и о ее страдании.

– Я не знаю. Она была так молода, я никогда не говорил ей...

– Вы ее видели много раз?

– Да, часто, но всегда в присутствии воспитательницы. Я хотел знать, такая ли прекрасная душа у этого восхитительного ребенка, как можно было ожидать по внешности.

– И вы нашли то, что искали?

– Судите сами. В школе была горбатая девушка, болезнь и горе исказили ее черты, она была мало сказать некрасива – уродлива. Мэри, так зовут ту, кого я люблю, всем сердцем пожалела страдающее дитя. Она заботилась о ней, ухаживала за ней, пока к ней не вернулось жизнерадостное настроение. Она гуляла с ней, выдумывала игры и занятия, которые не утомляли бы больную, и отказывалась от всякого удовольствия, если Софи не могла разделить его. Я видел сам, как она не поехала на прогулку, чтобы уступить свое место в карете Софи.

– Сколько самоотвержения и участия, – тихо произнесла Флора.

– Быть может, я легче перенес бы разлуку, – продолжал Стенхоп, бросив благодарный взгляд на свою собеседницу, – если бы знал, что ей хорошо. Я боюсь, что жизнь ее была несчастлива. При ее вообще детски-веселом характере иногда у нее был такой озабоченный вид, что мне больно было смотреть на нее. Что ее беспокоило, я не знал, и меня теперь мучит, что у меня отнята всякая возможность помочь ей.

Флора быстро встала, лицо ее горело.

– Как ее зовут, Стенхоп, скажите мне?

– Мэри, Мэри Эванс.

– А где ее родина, откуда она приехала?

– Кажется, из Филадельфии.

– Вы знаете это точно?

– Воспитательница сказала мне, что письма ее отца получают большей частью оттуда, но отец часто менял местожительство. Насколько я знаю, не было такого места, о котором Мэри могла бы вспоминать как о родине.

– А вы можете узнать, где она теперь?

– Через ее воспитательницу – да!

– Так сделайте это, Стенхоп! Если вы не можете на ней жениться, то я буду ей верной подругой, положитесь на меня.

– Ваше желание будет исполнено, – сказал он, до глубины души тронутый ее неожиданным великодушием.

Он поднес ее руку к губам и поцеловал с почтительной благодарностью. Они почувствовали, оба, что между ними образовалась новая связь.

Глава XI Новая загадка

– Что это значит? – воскликнул Джек, который, без предупреждения войдя к Стенхопу, увидел его над открытым чемоданом.

– Я должен уехать, вероятно, завтра рано утром. Мне душно здесь, я не в состоянии за что-либо приняться. А ты что скажешь нового?

– Я был в той лавке. Приказчик прекрасно помнит, что продал этот пистолет в прошлый вторник после полудня.

Джек положил сверток на стол.

– За день до смерти моего отца? Он сам купил его?

– Нет. Мне описали покупателя: это высокий стройный мужчина с испорченным оспой лицом.

Позвали Жозефину. Она должна была знать, подходила ли наружность того незнакомца под описание. Ее показания не оставляли ни малейшего сомнения в том, что это был тот же самый человек.

Итак, Уайт за день до смерти купил пистолет через посланного. Из этого обстоятельства можно было вывести какие угодно заключения – оно не проливало света, а, наоборот, еще более затемняло и без того непроницаемую тайну.

Как ни слабы были надежды Стенхопа доискаться до истины, тем не менее он просил Джека сделать все, чтобы найти следы рябого человека. Он проводил своего друга вниз по лестнице и сообщил ему, куда он собирается ехать. Перед дверью, ведущей в комнату молодой вдовы, он невольно остановился.

– Джек, – сказал он особенно серьезно, – если когда-нибудь позже тебе удастся победить это гордое сердце, ты приобретешь такое сокровище, цену которому ты с трудом можешь себе представить.

Тот смерил его недоверчивым взглядом.

– Ты говоришь о Флоре Гастингс? – спросил он удивленно.

Слабая улыбка пробежала по лицу Стенхопа.

– Нет, о Флоре Уайт, – возразил он, – страдание пробудило в ней душу. Желаю тебе со временем назвать ее своей.

На следующее утро Стенхоп кратчайшим путем отправился в Байридж. В Форт-Гамильтоне он сошел с парома и, пользуясь чудным осенним днем, пешком пошел дальше по узкой тропинке между покрытыми травой холмами. Сердце его было полно дорогих воспоминаний. Через какой-нибудь час он стоял в большой старомодной приемной, где всего год назад так часто видел милое личико своей Мэри; сердце его сжималось от жгучей боли. Пока он окидывал взглядом знакомую ему уютную комнату, дверь отворилась и вошла в комнату воспитательница миссис Грация. Когда она увидела его, ее доброе, приветливое лицо со множеством мелких морщинок приняло огорченное выражение, и она с замешательством отвечала на его приветствие.

– Вы, конечно, приехали спросить у меня адрес, который я обещала вам сообщить год назад, – с запинкой произнесла она.

Он молча поклонился, не будучи в силах сказать хоть слово.

– К сожалению, я не могу вам дать его, – продолжала она смущенно, – мы совершенно потеряли Мэри из виду. Вот уже три месяца, как на наши письма нет никакого ответа.

– О, зачем вы не известили меня об этом раньше! – воскликнул он в страшном волнении. – Я разыскал бы и, если бы нужно было, пришел бы ей на помощь. Кто знает, может быть, она больна или даже умерла.

– Да, это было ошибкой с моей стороны, – призналась она, – но я ожидала со дня на день от нее известий. Она хотела мне писать каждую неделю, и сначала письма приходили аккуратно. Но постепенно они становились все реже, а наши письма возвращались большей частью нераспечатанными.

– Откуда она писала вам в последний раз?

– Из Филадельфии. Вот адрес, но вы ее там не найдете. Я справлялась о Мэри у моих филадельфийских друзей и получила известие, что особа, называвшаяся так, никогда не жила в том доме.

Он дрожащей рукой положил в боковой карман карточку, на которой обозначены были улица и номер дома.

– Примите мою сердечную благодарность, – сказал он, – за доброту и ласку, которые вы оказывали молодой девушке, а также за ваше участие к моему горю. Мэри для меня самое дорогое существо на свете. Хотя с тех пор, как мы виделись в последний раз, мое положение совершенно изменилось и я навсегда утратил надежду назвать ее своей женой, но ее судьба всегда будет заботить меня.

– Смерть вашего отца... – начала миссис Грация.

– Совершенно изменила все мои отношения, – перебил Стенхоп. – Я сообщаю вам это потому, что раньше высказывал совершенно иные намерения относительно ее. Мэри для нас утрачена навсегда, быть может, мы ее больше не увидим, но я не хотел бы, чтобы вы ложно меня поняли. Я люблю и уважаю ее так, как только может мужчина уважать и любить избранницу своего сердца, но жениться на ней я не могу. Важные причины препятствуют этому браку.

Он увидел на лице ее разочарование и вздохнул. Как она ни старалась казаться любезной и участливой, в душе она была настроена против него. Слишком уж вероятным казалось ей предположение, что, унаследовав богатство отца, он нашел молодую девушку темного происхождения не подходящей для себя партией. Все, что бы он ни сказал ей в объяснение происшедшей перемены, не могло бы разубедить ее. Поэтому он только спросил, сдержала ли она свое обещание ничего не говорить Мэри об его чувствах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.